

А.С. СОКОЛОВ,

Министр культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации

Православное образование и культура в секулярном мире. Опыт России и зарубежья

Ваше Высокопреосвященство,

Преосвященства, братья и сестры, уважаемые участники сегодняшних Рождественских чтений! Они проводятся в 16-й раз, это очень значительная цифра, свидетельствующая о том, что укрепилась, укоренилась добрая, важная традиция. Причем не только в это время года, не только по этому поводу мы собираем примерно одинаковый круг внимательно слушающих друг друга людей. Ведь идут еще Глинские чтения, идут конференции в рамках особого церковно-государственного праздника — Кирилло-Мефодиевские чтения, это праздник славянской письменности и культуры. Это все те перекрестки, на которых встречаются государство и Церковь, и фактически исходит из общей ответственности и общих целей. Я обо всем этом говорил ровно год назад, здесь, когда рассказывал о том, как в Правительстве, Совете Федерации, в Думе, как в Президентском комитете по культуре, по делам религий решаются такие вопросы. Эта работа продолжается, она за этот год получила новые интересные проявления. Но сегодня мне хочется поговорить не об этом, а может быть, о совершенно неожиданном в плане личных впечатлений.

Дело в том, что все перечисленные мной важные форумы, конференции, события объединяет одно общее качество. Это особый диалог, основанный не на состязательной риторике, что само по себе бывает чрезвычайно интересно, привлекательно, вспомним знаменитую дуэль Луначарского — Преображенского, собиравшую огромные толпы народа в Политехническом музее, но сейчас — совершенно другая задача, совершенно другая цель. Цель — прислушаться и понять друг друга, взаимообогащаться. И для нас в России это особенно важно — после XX века, который остался в истории веком гонения на Церковь, веком воинствующего атеизма, веком пепелищ, войн и репрессий. Но именно в России сегодня есть все признаки возрождения. Именно в России сейчас, в провинции, как когда-то предрекали Оптинские стар-

цы, начинается духовное, нравственное очищение. В России восстанавливаются разрушенные церкви и строятся новые. Это в то время, как в благополучной Европе церковные приходы редуют, иссякают и не могут содержать свои храмы. Недавно на Крещение была служба в церкви Николы в Толмачах, это та самая особенная церковь при Третьяковской галерее, где находится в храме принадлежащая галерее чудотворная икона Владимирской Богоматери. На эту службу пришла принцесса Испанская Беатрис. Она была в России с неофициальным визитом и простояла всю службу. Я смотрел на ее глаза и видел, что она совершенно поражена тем, что наблюдает. Потом мне удалось с ней перемол-

виться, и я выяснил, что главным образом ее потрясло. Во-первых, конечно, состояние храма, его убранство, красота службы, пение хора, хор Третьяковской галереи — один из лучших. Но больше всего ее потрясло то, как подходили к причастию дети. У католиков нет такого обряда, детей к причастию не подводят. И вот когда испанская принцесса увидела, какие дети, какие лица, какое состояние душевное у них в этот момент, она сказала, что поняла, что вот оно — будущее России.

На самом деле перемены явственны, перемены очевидны, но именно это заставляет нас сейчас очень внимательно относиться к тому, что противостоит этим переменам, к тому, что является острой опасностью, опасностью, которая еще более обнажается благодаря тому, что нам есть с чем ее сравнить. Это опасность, связанная с духовно-нравственным опустошением, с тем, что является первопричиной демографического кризиса, причиной наркомании, социального сиротства, тех болезней общества, которые являются общемировыми, но коснулись и нас. Проблемы общие, как для Церкви, так и для государства. Момент сейчас самый что ни на есть ответственный. Об этом очень много говорилось и писалось в последнее время, и конференции, на которых мы собираемся, также очень часто являются полем для обсуждения таких проблем. Осталась позади полоса оживленного обсуждения проблемы миллениума, то есть той самой исторической черты, разделяющей тысячелетия, на которой человечество оглядывается назад и начинает особенно четко воспринимать ритм истории, пульс истории. В это время обнажаются и апокалиптические настроения, и, наоборот, светлая вера в духовное начало, и все подчиняется тем самым ритмам, которые надо помнить.

Мы все находимся в колее таких ритмов и, в частности, в обсуждаемой сегодня проблеме — отношении церковного и секулярного — тоже скрыт такого же рода ритм. Я напому два известных суждения. Одно принадлежит Артуру Шопенгауэру: «Вера в Бога и в знание — все равно что две чаши весов: когда одна поднимается, другая опускается». Это утверждение прямо свидетельствует о кризисе позитивизма в то время. Это изречение, за которым вырисовывается совершенно другая мировоззренческая парадигма. Вторая цитата — Альберта Эйнштейна: **«Чем больше наука делает открытий в физическом мире, тем более мы приходим к выводам, которые можно разрешить только верой. Это можно выразить и так: нельзя верить в безбожную науку».** Пульсация таких

противоположных взглядов была и до того и продолжается поныне. Такой свежий пример — это нервное письмо, открытое письмо Президенту группы наших академиков.

Этот ритм сосуществует с другими ритмами, ритмами культуры. В частности, ритмом, который образует примат точного и гуманитарного знания. Наверное, многие помнят популярную полвека назад строчку из стихотворения Бориса Слуцкого: «Что-то лирики в загоне, что-то физики в почете». Кстати, это то самое время, когда укоренился в государственной политике пресловутый принцип остаточного финансирования художественной культуры. Что это за сопоставление, что это за полюса? Это «рацио» и «сенсус», то есть «разум» и «чувство», полюса, между которыми ходит маятник истории, оказывающийся при этом время от времени в промежуточном положении. Чтобы это продемонстрировать, вспомним основу средневековой европейской системы образования, которая представляла целостное постижение семи свободных наук, разделенных на два цикла. Один цикл — гуманитарный: грамматика, риторика и диалектика, второй — точный: арифметика, геометрия, астрономия и, как ни странно, музыка. Но музыка, рассматриваемая в пифагорейской числовой традиции. Это далекое воспоминание, но есть и более близкие, я приведу высказывание французского математика Анри Пуанкаре: «Можно удивляться, что говорят про область чувства по отношению к математике, которая, казалось бы, имеет отношение только к интеллекту. Но это значило бы забыть о чувстве математической красоты, гармонии форм, о чувстве геометрического изящества, это настоящее этическое чувство, с которым знакомы все истинные математики». Словом, тут мы имеем дело с областью чувства. Ритм этот проявляется и в самой художественной культуре. И здесь тот же неоднократный ход маятника от «рацио» к «сенсус», аполлонического к дионисийскому. Современная наука о мозге связывает этот ритм с чередующимися в истории доминантностью право- и левополушарного мышления. Правое полушарие ответственно за чувственное восприятие, а левое — за аналитическое, расчлененное, вырабатывающее язык дискретного описания мира. Пора мне уже сказать, для чего вся эта преамбула, этот культурологический аспект мне понадобился.

Я возвращаюсь к основной теме: о соотношении церковного и секулярного в современном мире, пытаюсь рассмотреть ее через призму искусства, в истории которого заложен, как уже ясно, некий ритм. Начну с более близкой

мне музыкальной сферы. Как в западной, так и в восточной средневековой литургии, будь то григорианский хорал или наш знаменный распев, музыкальный ряд изначально не мыслился как искусство. Это было средство артикулирования и донесений священного сакрального текста. В начале было Слово. А вот эстетический аспект восприятия литургического пения поначалу не предполагался и по существу воспринимался как ересь. Но далее в истории музыкальных жанров эта дефиниция уже четко обозначается. Эпоха барокко уже терминологически разводит сонату «да тьезе» — церковную сонату и сонату «да камера» — светскую сонату. Иоганн Себастьян Бах пишет и церковные, и светские кантаты. И светское искусство все более выходит на первый план уже в силу того, что имеет более стремительную эволюцию. Искусство в лоне Церкви более канонично, устремлено к сохранению канона. Это все нужно учитывать, понимая, на каком этапе мы находимся и что наследуем. XX век и в мире, а в России особенно — это была полная пауза в искусстве, ориентированном на богослужение. В России нельзя было писать ни иконы, ни музыку для храма. И поэтому именно сейчас мы начинаем узнавать именно то, что долгое время не имело к нам выхода. Например, «Всенощная» Рахманинова, его гениальное произведение, было запрещено к исполнению примерно до 80-х годов 20 века. И лишь в празднование тысячелетия христианства на Руси мы впервые столкнулись с искусством, которое сейчас не вполне готовы правильно понять и оценить. Что это? Это своего рода заказ времени или это то, что определяет новую ментальность, новую духовную потребность? Здесь опять мы встречаем разные вещи. Допустим, недавно в Храме Христа Спасителя вручалась премия «Национальное достояние». Одной из номинаций была — «Иконописная школа». Эту премию получили мастера Московской и Троице-Сергиевской иконописной школы. За что они получили эту награду? Прежде всего, за устремленность к восстановлению канона. В данном случае пафос этого иконописного искусства не в шаге вперед, это совершенно правильное естественное сегодняшнее, можно сказать, послушание. Но дальше, конечно, произойдет нечто, о чем мы сегодня даже не можем предполагать. Придет то новое высказывание в иконописи, которое, очевидно, кто-то заметит первым, а кто-то станет его великим провозвестником. В этом отношении то, что является свойственным для резьбы по дереву, для иконописи, по регентскому пению — это следование канону.

Я хотел как раз обратить ваше внимание на то, что спорно, и то, что является в искусстве не

канонической формой, может быть, даже в каком-то смысле более отвечающим нерву времени. **Яркий пример тому — фильм «Остров». Это своего рода феномен, я до сих пор не могу понять, как именно у этого талантливого режиссера, никогда не приближающегося к этой теме, возникает такое прозрение. Это фильм очень сложный, который без всякой рекламной раскрутки стал достоянием всего общества. Он очень сложный и очень непростой в отношении трактовки некоторых религиозных основ, в частности, этому противопоставлению монастырской аскезы и братии. Было очень важно, как отзовется на этот фильм Русская Православная Церковь. То, что этот фильм был принят, признан полезным как фильм, который движется к обществу, увлекающая его по дороге, ведущей к храму, это была очень мудрая позиция Русской Православной Церкви. Это был фильм искренний, в этом была его главная сила, его главная ценность.**

А второй пример, который я хочу в заключение привести, мало кому известен в этом зале. Это то самое мое впечатление, которое я попытался осмыслить. На Рождество, не наше, а католическое, в поездку по США отправился большой коллектив. В него входил Большой симфонический оркестр Министерства обороны, хор Третьяковской галереи, хор колледжа при Московской консерватории и хор хоровой капеллы мальчиков. Там же на месте к нему присоединились еще и американские певцы. Самое невероятное в этой поездке было то, что в программе было одно сочинение — «Рождественская оратория», написанная Владыкой епископом Илларионом, епископом Венским и Австрийским. Вот это явление, которое обращает на себя внимание, поскольку оно беспрецедентно, оно

очень интересно именно в контексте того, что сейчас в культуре происходит. Епископ Илларион известен мне со студенческой скамьи, поскольку он был студентом Московской консерватории. Это профессиональный музыкант, который, к нашему удивлению, с 3-го курса ушел из консерватории, посвятив себя Церкви. Дальнейшая его судьба демонстрирует сейчас неслучайность этого шага. Уже будучи епископом, он объединил полномочия иерарха и композитора, творческого человека, создав некий новый жанр. «Рождественская оратория» — одно из произведений, написанных им. Это не музыка для литургии, потому что там имеются музыкальные инструменты, оркестр. Тем более это не музыка для Русской Православной Церкви, но тем не менее это та музыка, которая ведет человека невоцерковленного от рождения и по воспитанию, а ищущего свой путь, она ведет его

к храму. Она ведет его к знанию Бога через знание о Боге, ведет его к духовному через душевное.

Мы исполняли произведение в католических соборах с трансляцией на 200 стран. Эта акция являлась и церковной, и государственной. Это было ощущение России совершенно новой, причем исполнителями были молодые музыканты, которые сами по себе производили очень сильное впечатление на аудиторию. И вот это осмысливается не просто как новый жанр, а как новое явление в культуре и в духовности. Мне кажется, что в этом неканоническом искусстве проблема секулярного и церковного получает какой-то новый аспект, который предстоит еще обдумывать, но тем не менее это, по моему убеждению, и есть поле совместной деятельности и сфера общей ответственности Церкви и государства.

А.А. ЛИХАНОВ,
председатель Российского детского фонда

Учитель — высокая духовная ценность

Очень много существует в мире разных образовательных теорий и практик, они отстаивают свои взгляды, имеют право на существование, и все сходятся в одном: их успех зависит от личности учителя.

Позвольте, я просто расскажу об одной такой личности, о моей учительнице Аполлинарии Николаевне Тепляшиной. Она прожила 96 лет, из них 70 лет отдав школе. Перед революцией закончила Вятское учительское училище и преподавала в начальной церковно-приходской школе при храме Иоанна Предтечи в Вятке. Уже в ту молодую свою пору она славилась верности детству, учительству и пользовалась таким безупречным авторитетом, что жители соседних кварталов, а среди них было немало подросших ее учеников, просили учительницу стать крестной матерью их детей.

Когда она шла после уроков домой, с ней здоровались буквально все подряд, она часто останавливалась, кого-то о чем-то спрашивая,

что-то кому-то наказывая. Хочу заметить, на дворе уже буйствовала атеистическая власть. В Вятке, городе старом и богомольном, сверкавшем сотнями куполов, новые посланники из центра горячились особенно рьяно. Взорвали, к примеру, Александро-Невский собор, построенный по проекту несчастного Александра Витберга, автора первого, как известно, но не осуществленного, проекта Храма Христа Спасителя в Москве на Воробьевых горах. Закрыли и храм Иоанна Предтечи, устроив там Планетарий. Но школа осталась вместе со своими учительницами, вместе с Аполлинарией Николаевной Тепляшиной, рядом со множеством ее бывших учеников и крестников.

Порушенный и разоренный храм можно сравнить, пожалуй, со спиленным, сложенным деревом. Печальная данность! Но у дерева есть корни. Не выбираясь наверх, в невидимом взору пространстве, они могут и отмереть, но они могут и жить, пуская новые ростки, продолжая де-